

Их тёплые, мягкие губы соприкоснулись. Это был лёгкий поцелуй, нежный, как касание крыльев стрекозы. Первый раз — в уголок губ, второй — между губами, на третий раз Лян Сычжэ слегка пососал нижнюю губу Цао Е. Когда это произошло, разум Цао Е опустел. Он чувствовал лёгкий аромат вина в дыхании Лян Сычжэ, его сердце то замирало, то учащённо билось, сбиваясь с ритма.

Лян Сычжэ слегка отстранился. В тонкой прослойке воздуха между ними оба старались сдерживать дыхание. Их влажные, переплетённые вздохи словно дрожали. Лян Сычжэ смотрел на медленно открывающего глаза Цао Е. От него исходил запах влаги, его волосы были мокрыми, глаза тоже влажно блестели. Он был похож на маленького зверька, заблудившегося в дождливом лесу. Этот поцелуй мог бы быть глубже, но Лян Сычжэ не решался. Ему казалось, что этого достаточно. Цао Е вытащил голову из своей раковины, и это уже спасло его от безнадёжности. Остальное можно делать постепенно.

На сегодня сюрпризов уже хватало. Он был готов к тому, что Цао Е будет колебаться ещё десять дней или полмесяца, к тому, что Цао Е сделает вид, что ничего не произошло, и продолжит разговаривать с ним как ни в чём не бывало, даже к тому, что Цао Е вообще перестанет с ним общаться. Он никак не ожидал, что Цао Е примчится под дождём и появится перед ним промокшим до нитки. Его мальчик оказался гораздо смелее, чем он думал. Этого пока достаточно. Прошлый опыт научил Лян Сычжэ, что нельзя быть слишком жадным, иначе можно легко потерять всё, что имеешь.

Но вскоре Цао Е преподнёс ему ещё один сюрприз. Цао Е наклонился и, как только что делал Лян Сычжэ, коснулся его губ своими. Этот поцелуй был неловким, словно он просто пытался ответить, подражая ему.

Когда Цао Е отстранился, Лян Сычжэ едва сдержал улыбку. Его мальчик явно не был готов к поцелую, но этим неуклюжим прикосновением, которое едва ли можно было назвать поцелуем, он показал, что ему не противен первый поцелуй. Ты такой милый, Цао Е...

— Я... — Цао Е опустил глаза, избегая взгляда Лян Сычжэ. Этот взгляд был слишком глубоким и тяжёлым, ему всё ещё хотелось спрятаться. — Лян Сычжэ, дай мне немного времени. Я, наверное, не смогу так быстро... — он запнулся, словно не зная, как подобрать нужное слово, и продолжил, — ...перейти к чему-то большему...

Он не успел договорить, как Лян Сычжэ тихо перебил его:

— Я знаю. Не бойся, у нас много времени. Мы не будем торопиться.

— Угу, — тихо ответил Цао Е.

Лян Сычжэ ещё немного посмотрел на Цао Е, потом отвернулся к окну. Дождь всё ещё лил, и казалось, весь мир наполнен его шумом. Вдруг он тихо сказал:

— Это облако приближается.

— А? — Цао Е посмотрел на него. Он вспомнил, что десять лет назад Лян Сычжэ говорил то же самое. А сейчас, глядя на профиль Лян Сычжэ, ему показалось, что он ничуть не изменился с того вечера, когда насвистывал мелодию. Только в нём стало меньше печали и больше нежности. Его сердце снова забилося чаще. Теперь Цао Е знал, что это чувство называется влюблённость. Они знали друг друга десять лет, они оба уже не были теми мальчишками, что прежде. Но, несмотря на это, он всё ещё не мог справиться со своей влюблённостью в Лян Сычжэ.

— Ничего, — Лян Сычжэ улыбнулся и повернулся к Цао Е. — В такую непогоду как ты сюда добрался? На скоростном поезде?

— Да, рейсы отменили, — Цао Е потёр переносицу. После вопроса Лян Сычжэ он и сам понял, что этот поступок был импульсивным и необдуманным. Но тогда он просто не мог усидеть на месте, ему нужно было увидеть Лян Сычжэ. И теперь, увидев его, он почувствовал облегчение. Лян Сычжэ не отступил, он всё ещё ждал его. Всё ещё можно было исправить.

— Ты голоден? — спросил Лян Сычжэ. — Заказать еду в номер?

— А... да, — ответил Цао Е. По дороге он совсем не чувствовал голода, но теперь, когда всё улеглось, он вспомнил, что утром и днём, занятый подготовкой к эвтаназии сяо-сяо Бай, он совсем не мог есть. А вечером тоже не было времени. За весь день он почти ничего не съел. Его желудок был пуст, и он чувствовал неприятную слабость.

Лян Сычжэ позвонил в ресторан отеля и заказал рисовую кашу с морепродуктами. Когда принесли еду, он сходил в ванную, взял чистое полотенце и, обернув его вокруг руки, взъерошил волосы Цао Е:

— Вытри голову, с неё всё ещё капает.

— А... — Цао Е взял полотенце и вытер волосы. Затем, после небольшой паузы, спросил:

— Ты только что воспользовался моментом, чтобы погладить меня по голове?

— Ты заметил? — Лян Сычжэ улыбнулся.

— Я так и знал, — пробормотал Цао Е.

Во время еды Лян Сычжэ спросил про сяо-сяо Бай. Цао Е не стал вдаваться в подробности. Он подумал, что хорошо, что Лян Сычжэ не было в Пекине. Видеть смерть сяо-сяо Бай было бы слишком тяжело для него, ведь он так долго заботился о ней.

— Она ушла спокойно, — Цао Е проглотил ложку каши и, немного подумав, добавил, — кажется, она испытала облегчение. Последние две недели она очень страдала.

— Что ж, так лучше, — Лян Сычжэ опустил глаза.

Цао Е сделал ещё пару глотков, но еда казалась ему безвкусной. Пять лет назад, в тот вечер, когда они расстались, — это был день рождения Лян Сычжэ — он в порыве гнева сказал, что отношения двух мужчин отвратительны, как случка двух собак. Наверное, эти слова сильно ранили Лян Сычжэ, раз он помнил их так долго.

— Я тогда сказал не подумав, — Цао Е помешивал кашу ложкой. — Забудь те слова.

Лян Сычжэ поднял на него глаза.

— Те самые, — пробормотал Цао Е. — Ты знаешь, какие.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ, не задавая вопросов.

В комнате слышался только тихий стук ложки о край тарелки. Все остальные звуки заглушал шум дождя за окном. Цао Е медленно ел кашу. Он чувствовал на себе взгляд Лян Сычжэ, сидящего напротив. Когда Лян Сычжэ немного выпивал, его взгляд всегда менялся. Так же, как в тот вечер несколько лет назад, когда он ударил продюсера. Они сидели на деревянной скамейке на улице Иньсы, и Лян Сычжэ так же пристально и долго смотрел на него и говорил: «Цао Е, как же я рад тебя видеть». Тогда Цао Е это раздражало. Теперь он понимал, что его раздражал не Лян Сычжэ, а то, что он тоже был рад его видеть. Его раздражало то, что он не мог скрыть свою радость.

Умываясь, Цао Е задумался, как им спать этой ночью. У Лян Сычжэ был номер с гостиной. Либо им придётся спать вместе на кровати, либо одному из них придётся спать на диване. Они оба взрослые, и они только что целовались. Они оба понимали, что значило спать вместе.

Цао Е поставил стакан и посмотрел на своё отражение в зеркале. Кожа вокруг глаз всё ещё была покрасневшей. Он был таким жалким, расплакался безо всякой причины. Он плакал, когда умерла Ли Ю, а больше ни разу. Почему же он расплакался именно перед Лян Сычжэ? Он сам не мог объяснить, что чувствовал в тот момент. Словно много лет он сдерживался, а потом вдруг кто-то проявил к нему такую нежность. Он любил этого человека, и этот человек любил его много лет. Вдруг вся обида и боль, которые он так долго игнорировал и терпел, вырвались наружу. Он просто не смог их сдержать.

Получается... они теперь вместе? С этого момента они будут парой? У него было много отношений, но мысль о том, что он будет встречаться с Лян Сычжэ, приводила его в замешательство. Он чувствовал радость, растерянность, неготовность и... лёгкую неловкость. Тот нежный поцелуй... он оказался не таким уж неприятным и не вызвал отвращения. Наоборот, это тёплое, мягкое прикосновение было комфортным.

Внезапно он осознал, что много лет почти не целовался. Он не любил целоваться. Ему всегда казалось, что обмен слюной с другим человеком — что-то невыносимое, поэтому он избегал поцелуев. Цао Е коснулся рукой своих губ, потом непроизвольно сжал их и провёл по ним языком. Лян Сычжэ так нежно поцеловал его, что на губах осталась влага и лёгкий привкус вина. И... это было неплохо.

Выйдя из ванной, он увидел Лян Сычжэ, сидящего на кровати и читающего сценарий. Цао Е показалось, что он вернулся в «Лазурную вечеринку». Было немного неловко, но пусть будет как в «Лазурной вечеринке». Тогда они спали в одной кровати, и это не было странно. Но, подойдя ближе, он понял, что это не «Лазурная вечеринка». Здесь была только одна кровать, и они только что целовались. Лян Сычжэ отложил сценарий и посмотрел на него.

— Где... мы будем спать? — всё же спросил Цао Е.

— Если ты хочешь, чтобы я спал на диване, — ответил Лян Сычжэ, — то я пойду туда.

— Ты говоришь так, — Цао Е сел рядом с ним и тихо произнёс, — будто я какой-то злодей. Если кому-то и нужно спать на диване, то мне...

— О, точно, я забыл, что ты любишь спать на диване, — Лян Сычжэ повернулся к нему, с улыбкой глядя на него. — Диван в гостиной довольно удобный, так что, может быть...

Цао Е посмотрел на него. Перспектива спать на диване вдруг показалась ему не такой уж привлекательной. Не то чтобы он не любил спать на диване... просто... он не мог объяснить, почему чувствовал себя неловко.

— Давай спать вместе, — продолжил Лян Сычжэ.

Цао Е замер. Этот неожиданный поворот застал его врасплох.

— Мы и раньше спали вместе, — Лян Сычжэ, наблюдая за его реакцией, усмехнулся. — Будет как раньше. Цао Е, не нервничай. Я что, выгляжу так, будто тороплю события?

— Эй, не... — рефлексивно начал Цао Е, но остановился на полуслове.

— Не что? — спросил Лян Сычжэ.

— Не дразни меня... — Цао Е понизил голос. — Мне неловко. Дай мне время привыкнуть.

— Хорошо, — с лёгкостью согласился Лян Сычжэ. — Я подожду, пока ты привыкнешь, а потом буду тебя дразнить.

Свет погас. За окном продолжал моросить дождь. Ночь была тихой, комната погрузилась в темноту. Рука Лян Сычжэ нашла руку Цао Е, сначала нежно сжала её, а затем стала сжимать всё крепче и крепче. Цао Е чувствовал, как Лян Сычжэ сильно сжимает его руку, почти до боли в костях, но не вырывался, позволяя Лян Сычжэ держать его. Лян Сычжэ долго сжимал его ладонь, а потом отпустил. Цао Е пошевелил пальцами, нащупывая пальцы Лян Сычжэ. Это была его левая рука, та самая, которая была когда-то травмирована.

— Цао Е, — позвал Лян Сычжэ.

— Ммм, — отозвался Цао Е.

— Ты сказал, что твоя мама когда-то сожалела о том, что родила тебя. Что это было? — тихо спросил Лян Сычжэ.

— Я подслушал, — ответил Цао Е. — Она тогда болела. Я стоял за дверью палаты и услышал, как она разговаривала по телефону.

— Думаю, твоя мама не это имела в виду.

— Угу, — Цао Е помолчал немного, а потом сказал: — Тогда столько всего случилось... Я был сам не свой. Подавленный и озлобленный. После её смерти прошло много времени, прежде чем я пришёл в себя. И тогда я понял, что нужно было поговорить с ней, выяснить всё. У неё, наверное, тоже были на это свои причины.

Лян Сычжэ повернулся к Цао Е:

— Цао Е, повернись ко мне.

Цао Е шурша простынёй, повернулся и лёг лицом к нему. Лян Сычжэ обнял его. Они были так близко, что тело Цао Е на мгновение напряглось от непривычки, но он быстро расслабился и прижался лбом к плечу Лян Сычжэ.

Они долго лежали в обнимку. Потом Лян Сычжэ наклонился и поцеловал Цао Е. Ночь была очень тёмной. Ничего не было видно, они могли только чувствовать влажное дыхание друг друга. Лян Сычжэ вслепую искал губы Цао Е. Потом он остановился. Расстояние между ними, казалось, составляло всего миллиметры. Их дыхание щекотало друг другу носы. Цао Е подался вперёд и сам поцеловал Лян Сычжэ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130307>